

DOI 10.31029/vestdnc79/4

УДК 94(470)

ЭМИГРАЦИЯ ГОРЦЕВ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ТУРЦИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

М. И. Абдулаева, ORCID: 0000-0003-0169-3848

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

Статья посвящена компаративному анализу миграционных процессов на Восточном Кавказе, а именно переселению кавказских горцев в Турцию во второй половине XIX – начале XX в. Выявление причинно-следственных механизмов, вызвавших переселение в среде различных народов Северного Кавказа, а также применение сравнительно-исторического анализа позволяет более широко и продуктивно взглянуть на дискуссионные вопросы миграционных процессов. Автор приходит к выводу, что при наличии общих факторов эмиграции превалирование одних или других причин в конкретной исторической ситуации и в сочетании с местной спецификой порождало различные формы переселенческого процесса и влияло на численность мигрантов.

The article is devoted to a comparative analysis of migration processes in the Eastern Caucasus, namely, the resettlement of the Caucasian mountaineers to Turkey in the second half of the XIX – early XX centuries. Identification of causal mechanisms that resulted in resettlement of various peoples of the North Caucasus, as well as the use of comparative historical analysis, allows a broader and more productive look at the debatable issues of migration processes. The author comes to conclusion that in the presence of common factors of emigration, the prevalence of some or other reasons in a specific historical situation in combination with local peculiarities gave rise to various forms of the resettlement process and influenced the number of migrants.

Ключевые слова: эмиграция, выселение, Восточный Кавказ, Кавказская война, Османская империя.

Keywords: emigration, eviction, Eastern Caucasus, Caucasian War, Ottoman Empire.

Проблема эмиграции кавказских горцев в Османскую империю во второй половине XIX – начале XX вв. характеризуется стабильным исследовательским интересом со стороны отечественных и зарубежных авторов. Интерес этот обусловлен как рядом дискуссионных проблем, не приводящих к консенсусу историческое сообщество, так и подлинным драматизмом самих событий, изменивших этническую карту Северного Кавказа.

Многообразие форм эмиграции привело к терминологической дифференциации миграционного процесса. Исследователи в своих работах оперируют понятиями переселение, выселение, эмиграция, мухаджирство, изгнание, исход и даже геноцид [1].

Разница в дефинициях преимущественно заключается в наличии или отсутствии фактора насильственности в процессе переселения.

Ряд авторов полагает, что данная трактовка исторических фактов «с употреблением термина “геноцид” к политике царской России в отношении горцев и постоянные призывы к покаянию России за Кавказскую войну только провоцируют этнополитические конфликты» [2, с. 147].

Чтобы лучше разобраться в миграционных процессах на Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., обратимся к конкретно-историческим фактам, используя компаративный (сравнительный) и детерминистский метод исследования, изучающий явления в контексте причинно-следственных механизмов (связей).

Массовое движение за переселение в Турцию, охватившее во второй половине XIX в. практически все уголки Северного Кавказа, не возникло спорадически, а было обусловлено целым рядом причин. Большинство исследователей едины во мнении, что основные причины, вызвавшие переселение горцев в Турцию, – это политика России на Кавказе, целенаправленная деятельность Турции, которая через своих эмиссаров агитировала северокавказцев к переселению, Кавказская война, обострившая все проблемы как социально-экономического, так и политического порядка и религиозный фактор. Последний имел особенное значение для мусульманского населения Кавказа.

Одни авторы полагают, что основной причиной массового исхода явилась Кавказская война, разрушившая привычный уклад жизни горцев и жестокая колониальная политика царизма. Другие подчеркивают роль религиозного фактора, стремление горских народов сохранить веру, эмигрировав в страну, где господствующей религией был ислам [3, с. 80].

Третьи рассматривают мухаджирство как результат активной политики Порты, вмешательство ее в кавказские дела, давние исторические связи горцев с Турцией.

Турция безусловно была заинтересована в эмиграции горцев, так как в лице кавказцев она получала «закаленных в войне с Россией воинов и дешевую рабочую силу [4, с. 5].

Еще в 1857 г. Порты приняла закон о переселении в империю, который содержал привлекательные условия: «Каждый, кто желает эмигрировать в Турцию, находится под покровительством султана. Земли, выделяемые мухаджирам, освобождались от всяких налогов. Кто переселялся в район Тракия, освобождался от воинской службы на 6 лет, кто переселялся в Анатолию – на 12 лет» [5, с. 37].

Была создана специальная комиссия по делам мухаджиров. Кроме того, на Кавказ регулярно отправлялись эмиссары, призывающие горцев переселяться в единоверную страну под покровительство турецкого султана – халифа всех правоверных. В прокламации одного из эмиссаров – Мухаммеда Насарета говорилось: «Берите ваши семейства и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов и весь народ наш принимает в этом деятельное участие. Если тяжбные дела задержат вас до весны, то по окончании их поспешите переселиться с таким же рвением, как предшественники ваши» [6, с. 21].

Окончание войны на Восточном Кавказе в 1859 г. и пленение Шамиля оказали сильное психологическое воздействие на население всего Кавказа. Общество охватило состояние фрустрации. Особенно беспокоили народ всевозможные слухи о введении воинской повинности, христианизации Кавказа, разоружение горцев, выдаче замуж девушек-мусульманок за русских и т.п.

Все это вызывало стремление переселиться в «землю обетованную». Как писал военный советник В.А. Франкини, «бегство туземцев было следствием всеобщего впечатления страха, произведенного на живые азиатские воображения внезапным падением власти Шамиля, подвергнувшим туземные племена безусловному произволу русских» [7, с. 263].

Надо заметить, что переселения в Турцию горцев Восточного Кавказа имели место и в более ранние периоды. Это были традиционные для мусульман паломничества (хадж) к святыням ислама, которые с 1517 г. находились под верховной властью Османской империи.

В 1822 г. А. Ермолов добился через Александра I временного запрещения хаджа, мотивируя это тем обстоятельством, что паломники «возвращаясь оттуда не только привозят нелепые слухи, но и свидетелями бывают злодейских поступков турок против христиан...» [8, с. 130].

Некоторые из горцев после совершения хаджа оседали в странах Ближнего Востока. На это обстоятельство, говоря о переселении дагестанцев, указывает турецкий автор Б. Хабичогулу. Исследовав турецкие архивы, он отмечает, что до 1847 г. горцы Дагестана переселялись в небольшом количестве, одной или несколькими семьями [9, с. 85].

Завершение военных действий на Восточном Кавказе в 1859 г. дало толчок к массовому выселению горцев в Турцию как на Восточном, так и на Западном Кавказе. Но из Дагестана, судя по архивным документам, переселения увеличиваются после 1861 г. До этого времени, в официальных прошениях горцев речь идет о совершении хаджа, а не о переселении.

Современник этих событий, известный русский публицист Яков Абрамов замечал, что каждый год значительное число кабардинцев, чеченцев и дагестанцев «распродает все свое имущество..., берет иностранные паспорта для свидания с родственниками или поклонения гробу пророка в Мекке и затем бесследно исчезает с кавказского горизонта» [10, с. 12].

Катализатором процесса массового переселения горцев в Турцию стало осознание населением того факта, что многолетняя война завершается победой русского оружия. Это напоминало времена Великого переселения народов. В этой ситуации, несмотря на неготовность к такому повороту событий, фельдмаршал А.И. Барятинский вместе с тем был уверен в государственной пользе переселения мусульман в Турцию [11, с. 52]. По мнению кавказского командования, удаление с Восточного Кавказа «беспокойного» и «фанатичного» населения решит многие проблемы, особенно аграрную перенаселенность региона.

Наиболее последовательно эта политика проводилась в отношении чеченцев и родственников им карабулаков. Официальный историограф выселения горцев А. Берже мотивировал это следующим образом: «Тут все сложилось против нас: и характер народа, и общественный быт его, и местность» [6, с. 48].

Усиленная казачья колонизация, сопровождавшаяся изъятием земель у местного населения, переселение последних с гор на равнину, в тесное кольцо казачьих станиц и другие мероприятия властей не внушали горцам уверенности в своем будущем.

В период Кавказской войны и после нее на территории Чечни и Ингушетии происходили передвижения населения, которые носили в большей степени насильственный характер. Н.А. Смирнов писал: «Стоило горцам хотя бы временно в ходе военных действий, покинуть насиженные места, как последние немедленно объявлялись свободными и распределялись...» [12, с. 206].

Именно таким образом в 40-е гг. XIX в. было образовано 15 казачьих станиц на месте захваченных вайнахских селений. Из изъятых в пользу казны земель генералом Граббе была сформирована Сунженская военная линия, а на месте карабулакских аулов возникли станицы Михайловская, Троицкая, Сунженская. Последняя стала штаб-квартирой одноименного полка [13, с. 470]

За попытку ингушей поднять в 1858 г. восстание (в ответ на ущемление их прав) их выселили, а на этом месте основали казачьи станицы – Тарская (1859 г.), станица Воронцовско-Дашковская (1861 г.), хутор Тарский и др. От р. Терек до Сунжи было изъято 375 тыс. десятин земли, которые были объявлены казенными [14, с. 100].

Одним из «ястребов», выражаясь современным языком, имперской политики был генерал Н.И. Евдокимов, который предложил отделить Чечню от Черных гор линией станиц и штаб-квартир. При этом он предлагал переселить часть чеченцев в Кабарду, водворив их на места кабардинцев, которые собирались переселиться в Турцию. Однако сменивший Евдокимова генерал-лейтенант Святополк-Мирский вернул все на прежние места. Таким образом, выселившиеся с гор на равнину чеченцы оказались в стесненном положении, окруженные со всех сторон казаками. Поэтому, как писал известный кавказовед Г.А. Кокиев, в целях дальнейшей колонизации «выселение части чеченского народа за пределы русского государства становится ясным и неизбежным» [15, с. 35].

Реализацию плана переселения чеченцев в Турцию взял на себя генерал Муса Кундухов (осетинский алдар на русской военной службе).

Начальник Терской области граф М.Т. Лорис-Меликов, подчеркивая всю важность дела, которое взял на себя М. Кундухов, выражает свои сомнения в том, что «чеченцы, отличавшиеся особой привязанностью к родине ... охотно поддались бы на предложение в этом духе» [14, с. 463].

В результате переговоров М. Кундухова с турецким правительством была достигнута договоренность, по которой Турция соглашалась на переселение 5 тыс. чеченских семейств с размещением их вдоль русской границы. Всего переселилось 22 491 человек (чеченцев и карабулаков), что составило почти 20 процентов вайнахского населения [6, с. 55].

Жизнь в эмиграции оказалась не столь радостной и привольной, как того ожидали горцы, столкнувшиеся с непривычным климатом, чужими нравами, в иноэтническом и зачастую иноконфессиональном окружении. Первоначально чеченцы, оказавшиеся на территории Турции, сосредоточились в окрестностях Муша и Эрзерумской долины, что не устраивало Россию, так как по соглашению с турецкой стороной горцы не должны были размещаться вблизи русско-турецкой границы. Поэтому позднее, с применением силы, большая часть чеченцев была расселена на границе Курдистана и Месопотамии, а также в Сивасском и Марашском пашалыне, где они оказались в окружении арабов, курдов и кизылбашей.

Практически уже к осени 1865 г. недовольные своим положением чеченцы стали изъявлять желание вернуться на родину. Тысячи горцев столпились на российской границе с твердым намерением пересечь ее. Многие заявили о своем согласии поселиться в любой местности в России, некоторые даже были согласны принять православие, самые отчаянные были готовы переселиться даже в Сибирь, но русские власти ответили отказом.

К 1871 г. в Турции осталось всего 10 тыс. чеченцев, остальные погибли. Только 5857 чеченцев из многотысячной массы с большим трудом смогли вернуться на родину. Миграция в Османскую империю, по мнению исследователей, нанесла серьезный демографический урон чеченскому народу, который удалось преодолеть лишь к началу XX в. [16, с. 259].

Анализируя причины переселения чеченцев в Турцию, С.-Э.С. Бадаев делает вывод, что главной причиной была колонизаторская политика России на Кавказе, приведшая к аграрному кризису и взрывоопасной обстановке в крае. Стремление властей достичь пропорционального соотношения численности горского и казачьего населения Терской области диктовало применение силового варианта – выселение вайнахов в Турцию [14, с. 129].

Несколько иначе выглядит переселение в Турцию дагестанцев. Оно не носило организованный характер. Более того, власти старались ограничить переселение горцев Дагестана в Турцию. Другой отличительной особенностью дагестанской эмиграции является ее ненасильственный характер, что признают даже турецкие историки. Процитированный нами ранее Б. Хабицоглу прямо пишет, что дагестанцы не принуждались русскими к переселению, что сказалось и на численности мигрантов, которая не исчисляется сотнями тысяч, как у адыгов [9, с. 193].

Для Дагестана, с его многовековой исламской традицией, регламентирующей все сферы жизни горцев, доминирующее значение в переселенческом движении имел религиозный фактор. Стремление сохранить веру, эмигрируя в Турцию, двигало сотнями и даже тысячами дагестанцев. Турецкий султан являлся халифом для всех мусульман. По утверждению М.М. Магомедханова, «претензии Турции на роль центра тюркского мира, а султана – на роль халифа всех мусульман мира имели под собой серьезные объективные основания [17, с. 79].

Мнение о могуществе султана, о райской жизни в Турции распространялось среди населения вернувшимися из хаджа паломниками, духовными лицами, а также турецкими агентами, находившимися под негласным надзором полиции.

Так, управляющий Даргинским округом в донесении в Бакинское жандармское управление о бегстве жителей с. Хаджалмахи в Турцию объясняет этот факт как «религиозный фанатизм, поддерживаемый и возбуждаемый среди населения фанатиками-беглецами, уже находящимися в Турции» [18, л. 52].

В кратком отчете начальника Дагестанской области за 1860–1869 гг. указывается, что главные причины переселения мусульман в Турцию «закключаются в религии их и так глубоко коренятся в народе, что в ближайшее время никакие меры не смогут совершенно прекратить это стремление» [19, л. 18].

Серьезное влияние на мухаджирское движение в Дагестане оказало переселение в Турцию ближайшего окружения имама Шамиля, его наибов и сподвижников. Одним из известных суфийских шейхов, «ратовавшим за переселение дагестанцев в страну единоверцев», был Шарапуддин Кикунинский [20, с. 42].

Кроме духовных авторитетов положительным примером в глазах общества являлось переселение известных в народе личностей. Так, многие жители Кайтага готовились выселиться в Турцию вместе со своим беком, гвардии-корнетом Ахмет-пашой. После высылки последнего в Темир-Хан-Шуру население успокоилось и больше не высказывало желание к переселению [21, с. 1200]. Когда известный на Кавказе генерал Хасай-хан Уцмиев высказал желание переселиться в Турцию, М.Т. Лорис-Меликов сделал все, чтобы отъезд генерала не состоялся. Власти опасались, что эмиграция в Турцию популярных личностей вызовет аналогичные желания среди народа и повлечет новую волну миграций.

Несомненно, что в переселении дагестанцев в Турцию весомую роль играли причины экономического характера, связанные с введением новых налогов, повинностей, малоземельем и т.п.

По свидетельству архивных документов, жители Темир-Хан-Шурина стали проситься выехать в Турцию после обложения денежной податью. Подобные прошения стали поступать и от жителей других округов Дагестана [22, л. 15].

В 60–70-е гг. XIX в. заметное усиление миграционных потоков из Дагестана в Турцию связано с многочисленными восстаниями горцев против власти и жестоким их подавлением. Особенно много переселений было после подавления всеобщего восстания 1877 г.

Важным представляется и вопрос о численности мухаджиров. В приложении к Отчету начальника Дагестанской области за 1863–1869 гг. приводится ведомость жителей области, уволенных в Мекку на богомолье за этот период. Здесь приводятся данные по 9 округам Дагестана. Всего переселилось 1603 человека [19, л. 18]. Как видно, за 7 лет количество переселившихся не очень внушительное, хотя следует понимать, что речь идет о легальном переселении из Дагестана. Трудно определить численность нелегально переселившихся горцев из Дагестана, а также выделить дагестанцев из общего потока мигрантов из сопредельных территорий.

По данным турецкого исследователя Б. Хабичоглу, за период с 1858 по 1907 г. из Дагестана в страны Ближнего Востока переселилось 20 тыс. человек [9, с. 85].

Незначительность дагестанской эмиграции в сравнении с другими регионами Северного Кавказа объясняется целым рядом причин.

Одной из причин, по которой движение за переселение в Турцию не приобрело такого размаха, как на Западном Кавказе, является специфика российской политики в регионе. Власти вводили квотирование и другие ограничительные меры, чтобы остановить переселение.

М.Т. Лорис-Меликов даже предлагал дагестанцам отправить делегатов в Турцию, чтобы выяснить, какие земли им будут отведены и в каких условиях они будут жить [3, с. 117].

В 1869 г., с одобрения кавказского наместника, было разрешено выпускать в Турцию ежегодно 150 семейств. С 1872 г. официально из Дагестана разрешалось переселять 250 семейств, а с 1873 г. – 300 семейств. С 1872 г. мигрирующие в Османские пределы горцы обязаны были предоставить властям поручительство сельского схода, которое брало на себя ответственность оплатить казне расходы, если горец не вернется обратно. Главной ограничительной мерой было обязательство выселяющегося уплатить все податей за 10 лет вперед. Последнее обстоятельство, выполнение которого вызывало трудности, проф. Р.М. Магомедов считал главной причиной, по которой численность дагестанских мухаджиров незначительна [23, с. 4].

А.П. Берже отмечает в этом вопросе роль фельдмаршала А.И. Барятинского, который, по его мнению, проводил политику, направленную на сдерживание миграционного потока. «Если выселение дагестанских горцев не приняло громадных размеров, то единственным объяснением этого факта должно признать политику князя Барятинского, никогда не сочувствовавшего этому выселению, и потому, придавая только наружный вид полной готовности ему содействовать, на самом деле ставил ему непреодолимые преграды...» [6, с. 68].

На наш взгляд, необходимо отметить еще два обстоятельства, по которым дагестанцы не выселялись массово. Во-первых, дагестанец, выросший в суровой действительности, в условиях малоземелья, добывая у природы с большим трудом и возделывая эту землю, дорожил ею, был привязан к родине и только в крайнем случае решался на переселение. Во-вторых, в смысле колонизации горный Дагестан не представлял интереса, так как «пришное» население вряд ли здесь прижилось бы.

Таким образом, сравнивая миграционные процессы на Восточном Кавказе (мы рассмотрели переселение чеченцев и дагестанцев, так как ингуши практически не переселялись в Турцию), заметим, что при наличии общих факторов, имевших актуальность для всего Кавказа, в каждом регионе были свои специфические причины, связанные с конкретной исторической ситуацией, политической волей отдельных личностей, менталитетом народа, наличием или отсутствием фактора насильственности. Политика России на Западном Кавказе, где применялся силовой метод решения проблемы, привел к тому, что адыги в количестве 500 тыс. предпочли эмигрировать в Турцию, чем переселиться на Прикубанскую низменность, как предлагали власти.

Вайнахи на Восточном Кавказе были также поставлены в такие условия, что были вынуждены переселиться, поскольку были лишены земли.

Как справедливо подчеркивал военный советник В.А. Франкини, «для человека, обладавшего необузданной волей и падающего вдруг в такое унижительное порабощение, не удивительно, что бегство в чужой край, где он опять приобретает неотъемлемые свои права, и даже смерть предпочтительны» [7, с. 262].

Другое дело, что в действительности жизнь на чужбине обернулась для большинства эмигрантов разочарованием. Справедливости ради надо подчеркнуть, что на первых порах Османская империя была готова тратить и тратила ежегодно большие денежные средства на расселение и содержание мухаджиров. Правда, часть этих средств оседала в карманах чиновников, часть все же доходила до своих адресатов, о чем есть свидетельства в архивах в виде расписок мухаджиров, получивших пособия [24, с. 283].

Следует также отметить, что наряду с мерами правительственной поддержки иммигрантов имела место и благотворительность со стороны высших турецких сановников и лично султана. Однако, учитывая размах миграционных процессов, этой помощи было недостаточно, поэтому основная масса переселенцев испытывала настоящие бедствия.

Во многих случаях переселение горцев в Турцию являлось некой протестной формой, в которую облачалось недовольство населения каким-либо распоряжением власти, часто введением новых налогов или повинностей, а также реформированием различных сфер жизни горцев. Все новое, незнакомое вызывало недоверие общества и вселяло неуверенность в завтрашнем дне. Выход из этой ситуации виделся в переселении в Турцию, связи с которой у кавказцев были давние.

Для Российской империи главным итогом мухаджирства, по мнению В.М. Муханова, «стала стабилизация обстановки в регионе после ухода антироссийски настроенных горцев и закрепление там русской власти...» [25, с. 155].

С разной степенью интенсивности миграционные процессы продолжались вплоть до 1917 г., однако к этому времени они перестают быть массовыми.

В общей сложности с Восточного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. в Османскую империю переселилось около 50 тыс. горцев, что было серьезным демографическим уроном для всего региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992. 200 с.
2. Скибицкая И.М. Эмиграция горцев Северо-Западного Кавказа в Османскую империю // Кавказский сборник. 2011. Т. 7(39). С. 147–163.
3. Абдулаева М.И. Внутриполитическая ситуация в Дагестане в 70–90 гг. XIX в. и миграционные процессы. Махачкала, 2006. 193 с.
4. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (сб. док. и материалов) / сост. Амирхан Магомеддаев. Махачкала, 2000. Кн. 1. 433 с.
5. Ибрагимова З.Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60–70 гг. XIX в.). М., 2000. 69 с.
6. Берже А. Выселение горцев с Кавказа // Кавказ. Вып. XVIII. Трагедия изгнания. Нальчик, 2014. С. 7–68.
7. Записка военного советника при Российском посольстве в Константинополе В.А. Франкини военному министру Д.А. Милютину о необходимости и об условиях скорейшего водворения спокойствия на Кавказе // Кавказ. Вып. XVIII. Трагедия изгнания. Нальчик, 2014. С. 259–278.
8. «Признать удобным запретить на время». Царь Александр I и генерал А.П. Ермолов о мусульманском паломничестве / публ. Д.Ю. Аранова // Кавказский сборник. 2005. Т. 2(34). С. 130–131.
9. Habicogbi B. Kafkasya'dan Anadolu göçler. Ostanbul, 1993. 205 с.
10. Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. 36 с.
11. Акты Кавказской Археологической комиссии (далее – АКАК). Т. 12. Тифлис, 1904. 1558 с.
12. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. 242 с.
13. АКАК. Т. 10. Тифлис, 1885. 982 с.
14. Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии: история и современность : дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 1998. 337 с.
15. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева // Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. 904 с.
16. Абдулвахабова Б.Б. Насильственное переселение чеченцев в Турцию во 2-й половине XIX века – как фактор мирного решения государственных проблем // Дагестан в российском историческом процессе. Махачкала, 2013. С. 253–259.
17. Магомедханов М.М. Дагестанцы в социально-политической структуре Турции // Эмиграция Северо-Кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в.) : сб. ст. Махачкала, 2009. С. 79–87.

18. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 66. Оп. 1. Д. 62.
19. Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 150. Л. 16.
20. *Гаджиева Л.А., Ибрагимова З.Б.* Воспоминания Али Уста о шейхе Шарапуддине Кикунинском как источник по истории дагестанского мухаджирства конца XIX – начала XX вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 4. С. 42.
21. Письмо командующего войсками и управляющего гражданской частью на Кавказе ген.-лейт. Меликова начальнику Главного Управления наместника Кавказа стат.-секр. Крузенштерну от 6 июня 1860 г. № 72. // АКАК. Т. 12. Тифлис, 1904. 1558 с.
22. Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 15.
23. *Магомедов Р.М.* Восстание горцев Дагестана в 1877–1878 гг. Махачкала, 1940. 77 с.
24. *Бобровников В.О.* Кавказские мухаджиры в Османских архивах Болгарии // Кавказский сборник. 2011. Т. 7(39). С. 278–285.
25. *Муханов В.М.* Наброски к портрету Н.И. Евдокимова // Кавказский сборник. 2008. Т. 5(37). С. 137–165.

*Поступила в редакцию 20.10.2020 г.
Принята к печати 21.12.2020 г.*